

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Вдовин А.И.¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941 — 1945 ГОДОВ: МИФЫ И РЕАЛИИ (часть 2)

Фашистская пропаганда и оккупационная политика не могли не обострять существовавшие в стране противоречия, в частности, в межнациональных отношениях. Одним из результатов этого стала подлинная трагедия еврейского населения на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Например, в Литве, где до ее включения в СССР, евреи составляли заметную часть компартии, ситуация кардинально менялась в 1940 и 1941 гг. «В первые советские годы, — пишет президент Литвы А. Бразаускас, — некоторые евреи стали активными сторонниками оккупационного режима и оказались вовлечены в репрессивные акции по выселению невинных людей в Сибирь... Когда Литву заняли немцы, новые активисты поставили знак равенства между евреями и коммунистами, т.е. преступления отдельных людей перенесли на всю еврейскую общину. Вдохновителями и организаторами еврейского геноцида были власти гитлеровской Германии, но, к нашему стыду и боли, в экзекуции было вовлечено и немало литовцев». В одной из инструкций Фронта активистов Литвы, учрежденного еще в 1940 г., указывалось, что литовским коммунистам «только тогда будет прощение, если они на деле докажут, что ликвидировали хотя бы по одному еврею». Хотя многие литовцы, пишет далее Бразаускас, «рискуя жизнью спасали евреев», в Литве за годы войны «почти полностью погибла одна из самых многочисленных еврейских общин Европы — более 200 тыс. человек»².

В масштабах СССР «еврейский вопрос» не мог не обостряться и из-за явного несоответствия представленности этой национальности в руководящей и культурной элите, среди эвакуированных и на фронте, на чем особенно успешно играли гитлеровцы. Согласно переписи 1939 г. евреи составляли 1,8 процента населения СССР. К началу войны их доля в населении увеличилась до 2,5 процента³. По данным Совета по делам эвакуации, в

начале декабря 1941 г. евреи составляли 26,9 процента от всех эвакуированных из районов, которым грозила оккупация гитлеровскими войсками⁴. Среди мобилизованных на фронт евреи составляли 1,4 процента⁵, среди погибших в войну военнослужащих — 1,6 процента⁶.

Партии пришлось фактически признать изъятые в проводимой прежде национальной политике. Так, в докладной записке управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарям ЦК партии от 17 августа 1942 г. отмечалось, что «в течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии». Выразилось это в том, что «в управлениях Комитета по делам искусств и во главе учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Такие же «извращения» были обнаружены в Большом театре Союза ССР, в Московской государственной консерватории, в музыкальной критике, в отделах литературы и искусства центральных газет. В результате проводилось «частичное обновление» руководящих кадров не только в учреждениях культуры, но и в других учреждениях и ведомствах. Однако, как отмечается по результатам специального исследования, в годы войны инициатива управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) «не привела к каким-то организационным выводам и значительным кадровым перемещениям. Скорее всего, она в данный момент не нашла поддержки у советского вождя и его ближайшего окружения». Никак не сказалась на ситуации в Союзе писателей Украины докладная записка руководителя НКВД Украины на имя Н.С. Хрущева от 27 марта 1943 г., о том, что видные деятели украинской культуры А.П. Довженко и Ю.И. Яновский находят ненормальным, когда Союз возглавляет, Н.С. Рыбак еврей по национальности⁷.

В коренном переломе военной ситуации в пользу СССР обнаружила себя несопоставимость духовных потенциалов агрессора и жертвы. Человеческоненавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к поработаемым народам советская сторона противопоставляла та-

Человеконенавистнической идеологии расизма и геноцида по отношению к поработаемым народам советская сторона противопоставляла такие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм.

¹ Вдовин Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

² Бразаускас А. Пять лет президента. События, воспоминания, мысли. — М., 2002. — С. 465–467.

³ Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. — 1995. — № 5. — С. 152.

⁴ Альтман И.А. Жертва ненависти: Холокост в СССР. 1941–1945 гг. — М., 2002. — С. 389.

⁵ Солженицын А.И. Двести лет вместе. — М., 2002. — Часть II. — С. 363.

⁶ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. — М., 2001. — С. 238.

⁷ Альтман И.А. Указ. соч. — С. 411–412.

кие общечеловеческие идеи, как национальная независимость, солидарность и дружба народов, справедливость, гуманизм. Несмотря на то, что практическая политика по претворению этих принципов в СССР была далека от идеалов, их постоянное декларирование сохраняло надежду на их полное воплощение в жизнь после победы. Популярнейшая кинокартина «Свинарка и пастух», повествующая о любви русской девушки и парня из Дагестана, была близка своим гуманистическим пафосом умам и сердцам миллионов людей. Этот же пафос привлекал к СССР и симпатии демократической общественности за рубежом, обеспечившие расширение помощи в его борьбе с фашизмом.

В идеологической области все годы войны проводилась линия на укрепление патриотизма и межнационального единства народов СССР. В ряды Красной Армии призывались граждане всех национальностей, на фронте они сражались за общую Родину. В самую тяжелую пору войны, когда довоенная армия была по сути дела уничтожена врагом, а украинские и белорусские земли оккупированы, пришлось в большей мере использовать демографический потенциал неславянских народов СССР. Создавались национальные воинские формирования, в значительной мере из-за слабого знания русского языка призывниками. Национальные республики Востока приняли эвакуированные предприятия, вовлекались в налаживание их работы, вносили посильный вклад в общую борьбу. Укрепление братского содружества народов было одной из ведущих тем пропаганды и приносило свои плоды. Хотя в годы войны имели место многие случаи измены и предательства среди представителей разных национальностей, проявлялось и недоверие к некоторым народам, дружба народов в целом выдержала тяжелое испытание.

В ходе войны объективно и во все большей мере возрастала роль русского народа. Известно, что в составе населения СССР накануне войны русские составляли 51,8 процента, в общем числе мобилизованных за годы войны их было 65,4 процента, среди погибших — 66,4 процента¹. Удельный вес русских в рядах сражающихся был особенно велик в самый трудный период войны. Это заставляло руководство страны чаще обращаться как к наиболее вдохновляющим —исконным стремлениям и ценностям русского народа, его историческим корням и самобытным традициям. В пропаганде перестали делать особый упор на принцип классового интернационализма. Утверждению этих тенденций способствовала смена руководства Главного политического управления Красной Армии, произошедшая весной 1942 г. Патриота-интернационалиста Л.З. Мехлиса на ответственном посту начальника Главного политуправления РККА сменил А.С. Щербаков, имеющий стойкую репутацию патриота-государственника. В 1942 г. была начата работа по замене «Интернационала» на патриотический гимн. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г. ускорила работу над созданием гимна, в котором был бы отражен исторический путь народов страны, а не борьба международного пролетариата. С начала 1944 г. официальные торжественные мероприятия и ежедневные передачи советского радио начинались с исполнения гимна о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью.

Важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу в его борьбе.

В основу гимна была положена величественная музыка А.В. Александрова с ее устремленностью и призывом к подвигу, так необходимыми сражающейся стране.

Огромную вдохновляющую роль сыграло учреждение орденов в честь Александра Невского, Суворова, Кутузова (июль 1942 г.), позднее — ордена Богдана Хмельницкого (октябрь 1943 г.; орден воодушевлял украинцев в их борьбе за изгнание оккупантов, за свою национальную будущность), орденов и медалей Ушакова и Нахимова (март 1944 г.). Советской армии возвращаются традиционная форма русской военной одежды с погонами (январь 1943 г.), офицерские звания. Учреждаются суворовские училища типа старых кадетских корпусов. На фронте и в тылу пропагандистская работа организуется на основе директивы о воспитании советского патриотизма на примерах героического прошлого русского народа (1943 г.). В

октябре 1944 г. на самом высоком уровне рассматривался (был подготовлен соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР) вопрос об официальном разрешении военнослужащим носить полученные еще в первую мировую войну солдатские Георгиевские кресты. Были задуманы ордена, носящие имена Дениса Давыдова (для награждения партизан), Николая Пирогова (офицерам-медикам). Для гражданских лиц проектировался орден Михаила Ломоносова, а также медали, носившие имена

Чернышевского, Павлова, Менделеева. Известны и проектные рисунки советского ордена «Петр Великий». Проекты остались не осуществленными, видимо, из-за отсутствия острой необходимости в дальнейшем поощрении «националистической» тенденции в наградном деле.

В мае 1943 г., когда события на фронте для советской стороны вновь поворачивались к худшему, а второй фронт еще не был открыт, руководство ВКП(б) пошло на принятие одного из самых сенсационных за годы войны решений. Был распущен Коминтерн, известный всему миру как «штаб мировой революции». Такая идея впервые выдвигалась еще в апреле 1941 г., когда она мыслилась как разменная карта в торге с Гитлером. На этот раз важно было как можно скорее добиться укрепления союзнических отношений с западными капиталистическими странами ради расширения их помощи советскому народу в его борьбе. Между тем эти отношения в мае 1943 г. совсем не удовлетворяли СССР, причем настолько, что советские послы М.М. Литвинов и И.М. Майский были отозваны из столиц США и Великобритании.

О предстоящем роспуске Коминтерна было объявлено в прессе 15 мая, в самом начале Вашингтонской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля, от которой зависело, будет ли открыт в 1943 г. второй фронт. Объявление было положительно воспринято в странах Запада, особенно в США, и привело к укреплению отношений этих стран с Советским Союзом.

При обсуждении постановления о роспуске Коминтерна на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 21 мая было отклонено предложение М.И. Калинина сохранить эту организацию и перенести ее центр деятельности в одну из западных стран. Отстаивая необходимость роспуска, Сталин говорил: «Опыт показал, что и при Марксе, и при Ленине, и теперь невозможно руководить рабочим движением всех стран мира из одного международного центра. Особенно

¹ Солженицын А.И. Указ. соч. — С. 363; Россия и СССР в войнах XX века. — С. 238.

теперь, в условиях войны, когда компартии в Германии, Италии и других странах имеют задачи свергнуть свои правительства и проводить тактику пораженчества, а компартии СССР, Англии и Америки и другие, наоборот, имеют задачи всемерно поддерживать свои правительства для скорейшего разгрома врага». Есть и другой мотив для роспуска КИ, который не упоминается в постановлении. «Это то, что компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь». Сталинское «якобы» было весомым аргументом. Принимался во внимание и довод старейшего члена ИККИ В. Коларова, который утверждал, что Коминтерн «давно перестал быть на деле руководящим органом... Существует СССР, этот новый фактор такой огромной силы, что Коминтерн является архаизмом. Коминтерн был создан в момент революционной бури, но надежды на быструю революцию не оправдались»¹.

С 1943 г. получило широкую известность сталинское суждение, во многом определившее последующую национальную политику: «Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы его всегда правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране — великая великорусская нация... Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, Великая Отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом»².

Сугубо прагматическими соображениями было вызвано широко разрекламированное решение пленума ЦК ВКП(б) от 27 января 1944 г. «о расширении прав союзных республик в области обороны и внешних сношений». Решение было связано с предстоящей организацией ООН и предложениями МИДа добиваться включения в состав ООН всех 16 советских республик. Попытаться сделать это можно было, придав (хотя бы символически) больше прав, самостоятельности, суверенности союзным республикам и сделав их тем самым такими же субъектами мирового сообщества, какими являлись британские доминионы (Канада, Южно-Африканский союз, Австралия, Новая Зеландия) и колония (Индия). В расчете на это были приняты указы Верховного Совета СССР о преобразовании союзных наркоматов обороны и иностранных дел в союзно-республиканские.

Необходимость предложенных мер мотивировалась результатами политического, экономического и культурного роста союзных республик, подчеркивалось: «В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, нельзя не видеть новой победы нашей ленинско-сталинской национальной полити-

ки». Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования. Истинные цели просматривались в заявлении Молотова на пленуме ЦК: «Это, очевидно, будет означать увеличение рычагов советского воздействия в других государствах. Это будет также означать, что участие и удельный вес представительства Советского Союза в международных органах, конференциях, совещаниях, международных организациях усилится»³.

Однако на практике в это же время набирала силу тенденция прямо противоположного характера. По предложению НКВД 31 января 1944 г. ГКО принял постановление о выселении чеченцев и ингушей в Казахстан и Киргизию и фактически предпринял ликвидацию Чечено-Ингушской АССР. За годы войны это был уже четвертый случай ликвидации советского национально-государственного образования (в 1941 г. были выселены немцы Поволжья, в 1943 г. — карачаевцы и калмыки)⁴. Явно противоречили декларациям о всестороннем росте национальных республик постановления ГКО от 13 октября 1943 г. и 25 октября 1944 г., в соответствии с которыми в Вооруженные Силы СССР не призывались представители коренного населения Средней Азии, Закавказья, Северного Кавказа⁵.

Тяготы войны, утраты и лишения оживили религиозные настроения в народе, он открыто потянулся к церкви. Власть высоко ценила ее патриотическую деятельность по сбору денежных средств и вещей для нужд фронта. Она делала все новые и новые шаги к признанию важной роли церкви. Церкви была отдана типография практически прекратившего существовать Союза воинствующих безбожников. В ней была напечатана большая книга «Правда о религии в России» (М., 1942), предназначенная главным образом для пропаганды за границей. В книге говорилось о полной свободе религии в СССР, отмечался традиционный патриотизм Русской православной церкви, подчеркивалась тесная связь между русским народом и его церковью, говорилось о необходимости обращения к Богу, так как только Его помощь может обеспечить победу. Советскую кинохронику, посвященную победам Красной Армии в битве под Москвой в декабре 1941 г., открывали немислимые еще недавно кадры: колокольный звон московских церквей; крестный ход, возглавляемый православным духовенством в полном облачении с высоко поднятыми крестами; встречи армейских колонн в освобожденных городах местными жителями с иконами; солдаты, осеняющие себя крестным знаменем и прикладываящиеся к святым образам; освящение танковой колонны, построенной на пожертвования верующих.

Весной 1942 г. власти впервые способствовали организации религиозного празднования Пасхи. 2 ноября 1942 г.

Конституция СССР была дополнена статьей 18: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями». Республики получили конституционное право иметь самостоятельные воинские формирования.

¹ История Коммунистического Интернационала 1919–1943. — С. 237, 235.

² Цит. по: *Копелев Л.* Вопрос без ответа // Огонек. — 1989. — № 46. — С. 14.

³ Цит. по: *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. — М., 2000. — С. 281.

⁴ *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». — М., 1995.

⁵ Политическая история России / Отв. ред. В.В. Журавлев. — М., 1998. — С. 554.

один из трех высших иерархов Русской православной церкви, митрополит Николай (Б.Д. Ярушевич), управляющий Московской епархией, был включен в Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Большое значение имело также и то, что руководство церкви осуждало представителей духовенства, сотрудничавших с оккупантами. Были осуждены как «изменники веры и отечества» митрополиты Сергей (Латвия) и Антоний (Белоруссия), архиепископы Алексий (Украина) и Филофей (Белоруссия), епископ Поликарп (Украина) и др. Это не могло не сокращать общие масштабы коллаборационизма на оккупированных территориях.

4 сентября 1943 г. состоялась встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем, во время которой был очерчен круг неотложных вопросов и решений для нормализации государственно-церковных отношений в СССР. Сразу же после встречи патриархии был передан особняк, занимаемый ранее германским послом Ф. Шуленбургом; 8 сентября был созван Архиерейский Собор для избрания патриарха, престол которого пустовал со дня смерти патриарха Московского и всея России Тихона (В.И. Белявлин) в 1925 г.; 12 сентября Архиерейский Собор в составе 19 иерархов (3 митрополитов, 11 архиепископов и 5 епископов) избрал митрополита Московского Сергия новым патриархом Московским и всея Руси. На Соборе было объявлено об образовании совещательного органа при патриархе — Священного синода из трех постоянных и трех временных членов. Собор принял актуальный для военного времени документ, в котором говорилось, что «всякий виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма как противник Креста Господня да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана». Не менее значимым было обращение Собора к христианам всего мира с призывом «объединиться во имя Христа для окончательной победы над общим врагом».

8 октября 1943 г. был образован Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР. С конца года открываются для службы храмы, растет число православных общин, возвращается из лагерей репрессированное духовенство. 28 ноября 1944 г. было принято правительственное решение об открытии православного богословского института и богословско-пастырских курсов для подготовки кадров священнослужителей.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ возвратились монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких оккупационных властей в целях противопоставления их советской власти. Всего за три года на занятой гитлеровцами территории было восстановлено около 9400 церквей, более 40 процентов от их дореволюционного количества. Религиозная свобода допускалась оккупантами, в принципе враждебными всякой форме христианства, временно. В последующем, как писал идеолог нацизма А. Розенберг, «христианский крест должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен и за-

менен единственным символом — свастикой». Однако первый этап религиозной политики гитлеровцев на оккупированной территории оказал существенное влияние на государственно-церковные отношения в СССР.

Кульминацией признания роли и авторитета церкви стало проведение 31 января — 2 февраля 1945 г. Поместного собора Русской Православной Церкви, созданного в связи со смертью патриарха Сергия. В работе Собора участвовали 41 архиепископ и епископ, 126 протоиереев приходского духовенства, а также делегации семи автокефальных церквей, что позволяло проводить параллели с Вселенским собором, не созывавшимся несколько столетий. Собор принял «Положение об управлении Русской Православной Церкви», которым Московская патриархия руководствовалась до 1988 г., и избрал тринадцатым патриархом Московским и всея Руси ленинградского митрополита Алексия (С.В. Симанский), возглавлявшего Русскую православную церковь, в течение последующих 25 лет. Урегулирование государственно-церковных отношений в годы войны распространилось и на другие действующие в стране религиозные объединения.

К концу войны в СССР действовало 10547 православных церквей и 75 монастырей, в то время как перед началом Второй мировой войны было около 380 церквей и ни одного действующего монастыря. Размах и интенсивность религиозного возрождения в СССР в годы войны позволяют говорить об этом времени как о «втором крещении Руси»¹. Открытые церкви стали новыми центрами русского

национального самосознания. Христианские ценности (в частности, презрение к миру вещей и денег) становились важнейшим элементом национальной идеологии и культуры. Некоторые исследователи неодобрительно пишут о войне, как о времени, когда была осуществлена «наиболее важная националистическая реформа — полная легализация Русской Православной Церкви»². На наш взгляд, более верным и значимым является суждение доктора церковной истории, митрополита Иоанна (И.М. Снычев) о том, что отступление боготорческой власти в войне с церковью и сталинский тост «за русский народ» подвели черту под изменившимся самосознанием власти, сделав патриотизм наряду с коммунизмом официально признанной опорой государственной идеологии.

Любовь к Родине, ненависть к врагу, вера в победу, патриотизм и героизм советского народа были ведущими темами произведений литературы и искусства. Советская литература еще до начала Великой Отечественной войны, по словам А.Н. Толстого, «от пафоса космополитизма пришла к Родине». Война многократно усилила эту патристическую тенденцию в публицистике и всей художественной культуре. Публицистика А.Н. Толстого, М.А. Шолохова и И.Г. Эренбурга, лирика К.М. Симонова, А.А. Суркова и А.Т. Твардовского, симфонии С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича, песни А.В. Александрова, Б.А. Мокроусова и В.П. Соловьева-Седого, картины С.А. Герасимова, А.А. Дейнеки поднимали моральный дух советских граждан, развивали чувство национальной гордости, укрепляли настроенность на победу.

По мере освобождения советских земель от оккупантов в лоно РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ возвратились монастыри и храмы, в большом количестве открытые по разрешению немецких оккупационных властей в целях противопоставления их советской власти.

¹ Шкаровский М.В. *Нацистская Германия и Православная Церковь: (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР)*. — М., 2002. — С. 498.

² Медведев Ж.А., Медведев Р.А. *Неизвестный Сталин*. — М., 2001. — С. 275.

Воспитание у советских людей чувства ненависти и мести средствами публицистики, кино, всей системой политико-воспитательной работы, особенно поощряемое на первых этапах войны и выраженное в призывах «Смерть немецким оккупантам!», «Убей немца!», имело свои пределы. На заключительном этапе была дана установка на сдерживание крайностей с тем, чтобы ненависть к врагу не вылилась во всеобщую слепую ярость ко всему немецкому народу.

Имело свои границы и отступление в духе «националистического нэпа». В 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание историков¹, на котором осуждались крайности, идущие как по линии очернения прошлого русского народа, преуменьшения его роли в мировой истории (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Н.Л. Рубинштейн и др.), так и по линии сползания на позиции «великодержавного шовинизма» и «квасного патриотизма» (Х.Г. Аджемян, Б.Д. Греков, А.В. Ефимов, Е.В. Тарле и др.). В одном из проектов постановления по итогам совещания отмечалось, что в работах «ряда историков, особенно — Яковлева и Тарле проявляются настроения великодержавного шовинизма, обнаруживаются попытки пересмотреть марксистско-ленинское понимание русской истории, оправдать и приукрасить реакционную политику царского самодержавия, противопоставить русский народ другим народам нашей страны». А.И. Яковлев на заседании 7 января 1944 г. в Наркомпросе высказал смелую мысль: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним любовно. Но русскую историю делал русский народ. И, мне кажется, что всякий учебник о России должен быть построен на этом лейтмотиве... Этот мотив национального развития, который так блистательно проходит через курс истории Соловьева, Ключевского, должен быть передан всякому составителю учебника... Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях». Это заявление было осуждено как «явное проявление великодержавного пренебрежительного отношения к нерусским народам». Были отвергнуты предложения о включении в число исторических героев А.А. Брусилова, А.М. Горчакова, А.П. Ермолова, М.И. Драгомирова, К.П. Кауфмана, М.Д. Скобелева, М.Г. Черняева и других выдающихся военных и государственных деятелей дореволюционной России.

Еще более жестким было осуждение «националистических проявлений» в других республиках. 31 января 1944 г. Сталин принял личное участие в обсуждении киноповести А.П. Довженко «Украина в огне». Он осудил повесть за то, что в ней «ревизуется ленинизм», «нет ни одного слова о Ленине», не разоблачаются петлюровцы и другие предатели украинского народа, изображается, будто колхозный строй убил в людях национальную гордость, в то время как «именно советская власть и большевистская партия свято хранят исторические традиции и богатое культурное наследие украинского народа и всех народов СССР и высоко подняли их национальное самосознание». Сталин негодуяюще заметил: «Если судить о войне по киноповести Довженко, то в Отечественной войне не участвуют представители всех народов СССР, в ней участвуют только украинцы»². Заключение было суровым: повесть является «ярким проявлением национа-

лизма, узкой национальной ограниченности». 12 февраля 1944 г. решением Политбюро КП(б)У А.П. Довженко был снят со всех занимаемых должностей как в государственных учреждениях, так и в общественных организациях.

9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее республиканскую газету «Красная Татария» за принижение роли Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и «преклонение перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран». Татарскому обкому партии предлагалось устранить «серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татарии (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодального эпоса об Идееге)». 27 января 1945 г. аналогичное внушение было сделано руководству Башкирской партийной организации. Здесь тоже обнаружили серьезные идеологические просчеты: «В подготовленных к печати “Очерках по истории Башкирии”, в литературных произведениях “Идукай и Мурадым”, “Эпос о богатырях” не проводятся разграничения между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодальное прошлое башкир. В пьесе “Кахым-Туря” извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 года, противопоставляются друг другу русские и башкирские воины»³. Формулировки были ужесточены на X пленуме правления Союза советских писателей (17 мая 1945 г.). Здесь уже говорили, что в Татарии «поднимали на щит ханско-феодальный эпос об Идееге и делали Золотую Орду передовым государством своего времени», нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом Карасахал, там тоже «извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодального прошлого»⁴. Все это заставляло историков и литераторов впредь быть очень осторожными в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а также не допускать безразличия к местности, где геройствовали «славные предки».

Великая Отечественная война в целом была временем решающих уступок национальному сознанию народов СССР, особенно русскому национальному самосознанию. Гимн страны, повсеместно исполнявшийся с 15 марта 1944 г., закреплял новую ситуацию и линию партии в национальном вопросе. В соответствии с реальной ролью русского народа в отечественной истории, в укреплении единства многонационального советского общества о Советском Союзе стали петь, как о нерушимом союзе республик, сплоченных навеки Великой Русью. Попытки ультраинтернационалистов сузить масштабы уступок военного времени и возвратиться к довоенной программе, лозунгам и методам интернационально-патриотического воспитания не имели успеха. Это продемонстрировало, в частности, совещание историков в ЦК ВКП(б) (май—июль 1944 г.), инициированное ревностными историками-марксистами, возвращенными в известной школе М.Н. Покровского. Уступки русскому национальному сознанию были сохранены, а позже, в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом», в какой-то мере расширены.

¹ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. — 1996. — № 2–6, 9.

² Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. — М., 1992. — С. 61.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — 9-е изд. — М., 1985. — Т. 7. — С. 542.

⁴ Тихонов Н. Советская литература в 1944–1945 гг. // Литературная газета. — 1945. — 17 мая.